

Ахматовская “проза жизни”, состоящая из тысячи мелочей и бытовых деталей, - сознательный вызов исключительности, экстраординарности, декоративности, экзальтации Бальмонта, Иванова, Белого и т.д.

Общая концепция жизни диктует и выбор нового героя: у Чехова это обыкновенный, частный человек вместо исключительной личности Достоевского, у Ахматовой образ лирической героини собран из предельно узнаваемых, повседневных, земных деталей - это не снегурка, не “Прекрасная Дама”, не воплощение идеи “Вечной женственности”, а современница.

Чехов и Ахматова обращаются к малой форме, предельно насыщая ее драматическим содержанием. Мы можем говорить о романтической новелле в прозе Чехова и микроромане, новелле в стихах Ахматовой. Сближает их и явное стремление к синтезу: у Чехова лирического и драматического начал в прозе, у Ахматовой - эпического и драматического начал в рамках лирики.

Чехов и Ахматова близки и в приемах эмоционально-психологических характеристик, психологической экспрессии, способах построения характера, авторской отстраненности, в косвенном выражении оценок, в способах неожиданной концентрации читательского внимания в финале произведения.

Влияние чеховского творчества на Ахматову мы рассматриваем не как частное взаимодействие в результате субъективных намерений поэтессы, которая признавалась в своей нелюбви к Чехову, а как опосредованное влияние через атмосферу культуры в целом.

И.А.Голованов
Челябинск

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ВОЛКА В УРАЛЬСКИХ ЗАПИСЯХ СКАЗОК О ЖИВОТНЫХ

Семантика сказочных образов может быть “интерпретирована только исходя из мифологических истоков” (Е. М. Мелетинский). Учитывая, что структурных различий между сказкой и мифом практически не существует (К. Леви-Стросс), необходимо признать, что сказка возникает на таком этапе развития представлений человека о мире и о себе, когда он освобождается от веры в магию, обряд, от анимистических и тотемских представлений, которые, несмотря на это, все же предопределили содержание сказки.

Об особой роли анималистических образов в мифопоэтической традиции говорилось не раз. С образом предка-животного древний человек связывал происхождение своего рода, его именем он называл себя. Осознание своего родства с животными рождало веру в возможность продолжения своей жизни в новом облике и прежде всего в облике животного - покровителя рода. Из этого следует, что использование образов животных в сказочном фольклоре продолжает архаическую традицию.

Упоминание определенного вида животных в мифах и более поздних фольклорных текстах служит своеобразным кодом, на основе которого и разворачивается действие. Так, образ медведя в сказке может выступать как божество (в частности, умирающее и возрождающееся), как культурный герой, предок, тотем, оборотень, дух-охранитель, хозяин "нижнего" мира (Б. А. Рыбаков, Т. В. Зуева). Мифологическая семантика образа медведя отражена и в его табуистических названиях "дед", "отец", "старик", "хозяин", "владыка" (См.: Мифы народов мира). Существование подобных обозначений-эвфемизмов связано с древним представлением о том, что звери понимают человеческий язык, а потому способны навредить людям (Э. Тайлор).

Глубокая архаическая семантика закреплена в мифо-фольклорной традиции за образом волка. Определяющим в символике данного образа оказывается признак "чужой": чаще всего волк соотносится с "чужими" (как правило, мертвыми) предками. В этом смысле волку присущи функции посредника между "этим" и "тем" миром, между миром живых и миром мертвых. Подтверждение этому находим в записанной Д. К. Зелениным сказке под названием "Репка", которая представляет собой контаминацию сюжетов "Горох до неба" (1960) и "Лиса-нянька (плачя)" (37). Разрешение сказочного конфликта происходит здесь не без активного участия образа волка, что предопределено тотемической сущностью данного персонажа: совершив обряд отпевания, волк уносит старуху в лес, то есть в пространство, которое традиционно мыслится в сказках как "чужая" территория", как ирреальный мир.

Интересно, что подобный отмеченному текст был записан в 1975 году на Южном Урале. Правда, образа волка в нем уже нет, вместо него упоминается медведь (медвежиха). В этом варианте сказки обращает на себя внимание факт замены одного тотемного предка другим.

Похищение волком скота нередко воспринималось в народном сознании как жертвоприношение и сулило хозяину удачу. Это

представление косвенно отразилось в сюжете уральской сказки "Про волка" ("Пение волка", 163) из сборника "Сказки Шадринского края". Отметим также, что волк в данном тексте вновь проявляет себя как медиум, посредник между миром живых и миром мертвых: "смахнув" с печи гнездо со спрятавшейся в нем старухой, он забирает тело в лес. Старуха оказывается наказанной за то, что нарушила табу, сущность которого, по Фрейду, заключается в страхе перед демонами.

В "Великорусских сказках Пермской губернии" Д. К. Зеленина опубликована сказка "Волк и крестьянин", которая является вариантом указанного выше сказочного сюжета. Если в первом варианте старик и старуха приносят волку жертву, движимые чувством страха перед ним, то в тексте Д. К. Зеленина наблюдается иная мотивация. Исходя из народных суеверий, волчий вой связан с ожиданием несчастья, близкой смерти (В. Н. Добровольский), поэтому в анализируемом сюжете волк выступает как предвестник неминуемой гибели животных и людей.

Мифологический "ореол" сказочного волка не исчерпывается рассмотренной семантикой, он куда более многогранен, многоаспектен. По народным поверьям, волк связан с деятельностью колдунов и ведьм и поэтому глаз, сердце, зубы, когти, шерсть волка часто служат амулетами и народными лечебными средствами. Считается, что как у вора бывает хорошая и дурная рука, так и у волка зуб бывает и хороший и дурной. Если волк с хорошим зубом съест скотину - после этого скот здоров бывает и ведется хорошо (См.: Энциклопедия суеверий, 1995).

Вместе с тем значительное число фольклорных текстов (в том числе и записанная нами сказка "Козлятки и волк" (123) свидетельствует о процессе демифологизации анализируемого образа, вследствие чего сказки наполняются бытовым содержанием и одновременно происходит смена "сказочной аудитории": в наше время сказки о животных предназначены в первую очередь для детей, отсюда многие сюжеты утрачивают глубинное звучание и обслуживают чисто дидактические цели.